

И. И. Крупник

МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

**(Состояние национальных отношений
в СССР и задачи науки)**

В последние полтора года и особенно за последние месяцы «национальный вопрос» стал третьим наиважнейшим элементом нашей общественной жизни наряду с экономической реформой и демократизацией политически-правовой системы. Этот факт жестко и недвусмысленно пришлось почувствовать всей системе управления, гуманитарной науке, средствам массовой информации, обществу в целом. Массы населения на глазах захвачены «национальным прозрением», пробуждением этнического чувства.

На волне этой небывалой общественной активности прежние идеологические схемы «расцвета и сближения наций» в СССР, незыблемости национально-государственного устройства подвергаются быстрой эрозии. Альтернативные лозунги выглядят пока слишком зыбкими или имеют заведомо узкорегionalный характер, не решающий проблемы страны в целом. Скорость нарастающих событий делает крайне сложной спокойную оценку и прогнозирование ситуации.

Новым элементом стал взрыв массовости национальных выступлений. Проявления экономических, территориально-административных, экологических и особенно историко-культурных противоречий все чаще приобретают облик национальных движений. К унаследованным от прошлого очагам национальной напряженности на глазах прибавляются новые. При этом происходит отчетливый рост радикализма вплоть до появления откровенно шовинистических движений, требующих расовой чистоты и изгнания из «народного тела» иноверцев и инородцев.

Массовость сочетается со все более заметной организованностью национальных движений. Народные фронты в прибалтийских республиках или движение за воссоединение Нагорного Карабаха с Арменией стали мощной общественно-политической силой, невиданной за последние шестьдесят лет истории государства. По всей стране растут национально-культурные объединения, ассоциации, землячества, общественные группы, выдвигающие свои программы и лозунги и привлекающие сотни и даже тысячи людей.

Еще один исключительно важный элемент нынешней ситуации — появление национального насилия или угрозы его применения. Хотя вспышки насилия и вандализма периодически возникали и в предшествующие годы, никогда еще с послевоенного времени они не привлекали такого общественного внимания и не затрагивали (прямо или потенциально) такого количества людей. Рубежом здесь стали кровавые события в Сумгаите, за которыми последовала цепь конфликтов, закончившаяся введением особого положения в Нагорном Карабахе. Но однажды примененное, насилие становится фактором общественного сознания, повергая народы в состояние взаимной подозрительности, неустойчивости и страха. Насилие или даже его угроза немедленно стимулируют массовость, делают ситуацию еще более трудноуправляемой и непредсказуемой.

Фактически сейчас поставлен вопрос: способно ли наше общество найти гармоничное (или хотя бы разумное) сочетание интересов входящих в него народов или нас ждет дальнейшее нарастание напряженности межнациональных отношений. Для федеративного государства, каким является СССР, такое развитие очевидно представляет самую серьезную опасность, о чем свидетельствует пример Югославии или Индии. Суть, однако, состоит в том, что вся структура национальных отношений, национального представительства и выражения национально-культурных интересов оказалась в значительной мере устаревшей и пронизанной наследием сталинизма, как и система экономики

или сфера правового и политического устройства. Ее несоответствие современной жизни все более становится фактором дестабилизации, препятствием на пути широких общегосударственных преобразований. Обществу предстоит признать это и чем скорее, тем лучше.

Сложность нынешней ситуации состоит в том, что процессы национального развития до сих пор не имели четких диагностических критериев или же эти критерии оказались недостаточными, либо противоречивыми. В особенности это касается степени распространения русского языка и числа национально-смешанных семей. Для многомиллионных масс двуязычие обернулось *полуязычием* с утратой или упадком родных языков¹, а смешанные браки почти на 80% состоят из браков между представителями трех славянских народов, которые как правило, ведут к ассимиляции белорусов и украинцев в русской среде. Приходится признать, что в области национальных отношений нет характерных для экономики прямых статистических критериев, позволяющих четко оценить направления и перспективы развития. Не было здесь и какой-либо системы обратной связи, т. е. регулярного общесоюзного сбора и постоянного анализа (мониторинга) диагностически ценной информации.

Конечно, сбор информации сам по себе не является спасением, как наличие метеостанции не избавляет нас от дождя, снега или тропического урагана. Но он отражает *качество* диагностики, т. е. степень заботы общества о своем сегодняшнем и завтрашнем дне. Между тем в нынешнем обострении межнациональных отношений отчетливо видны *разные* процессы, которые требуют своих методов оценки и научного анализа. Главные среди них:

- общее движение за децентрализацию прежде авторитарной системы управления; требование права народов на самостоятельные национально-культурные интересы и принятие решений в области собственной культурной языковой, экономической и другой политики;

- требования многих народов на изменение их нынешнего, по сути давно устаревшего экономического и политического статуса, т. е. неизбежная корректировка ролей в развивающейся динамичной системе;

- требование права на «национально-культурный престиж», что по сути есть охранительное этническое движение перед угрозой обезличивания и бюрократической русификации общесоюзной культуры;

- связанная с этим озабоченность состоянием национальных культур, утратой языков, когда многие народы — как большие, так и малые — неожиданно почувствовали *исчерпаемость* своего наследия, его неустойчивость под давлением внешних сил;

- национальные языки, доставшиеся от прежнего времени: судьба крымских татар, проблема Нагорного Карабаха, нерешенные территориальные споры на Северном Кавказе и в Средней Азии, антисемитизм, будущее советских немцев и т. п.

До последнего времени многие видели (а некоторые видят и до сих пор) единственный источник равновесия в буквальном сохранении старых схем, старой системы межнациональных отношений. Нежелание перемен или неподготовленность к анализу лучше всего объясняет популярное стремление расценить очаги национальной напряженности, представить их как «отдельные» или «периферийные» нарушения, не затрагивающие систему в целом. Но неподготовленность к анализу межнациональных отношений означает лишь, что в таком случае их развитие: 1) происходит непредсказуемо; 2) у государства не находится организационных форм и продуманных средств решения, а часто даже и времени на обдумывание и отбор таких средств (чему пример февральская ситуация в Нагорно-Карабахской АО или трагические события в Сумгаите); и, наконец, 3) резко возрастает риск скоропалительных или заведомо неудачных решений.

Итак, наряду с необходимостью экономической и политической реформы общество стоит перед проблемой переоценки существующей системы межнацио-

нальных отношений, коррекции старых или выработки новых концепций своего дальнейшего развития. Перед системой в целом и перед ее отдельными элементами поставлены совершенно новые задачи. Каково место науки в этом процессе?

Проблемы науки. Приходится признать, что общественная наука оказалась столь же неподготовленной к нынешнему развитию национальных отношений в стране, как и все прочие элементы социальной системы. Долгие годы изучение национальных процессов было разорвано между этнографией, считавшейся второстепенной исторической дисциплиной, в целом весьма далекой от практических проблем, и философией, которая занималась общим обсуждением проблем «расцвета и сближения наций при развитом социализме». Эмпиризм и схоластика, к сожалению, оказались неплодовитыми партнерами. Явно недостаточна и сама генеральная схема преобразования конгломерата этносов и языков 1/6 части мира в то, что так красиво было названо «новой исторической общностью — советский народ».

В равной мере не избежала наука разъедающего воздействия того, что столь невнятно именуется сейчас «периодом застоя». Огромный урон был понесен сразу по трем направлениям. Жесткий идеологический отбор мнений и концепций заведомо отсекал все попытки критического анализа и независимое прогнозирование. Закрытость демографических, социологических — практически всех современных статистических данных разрушала для большинства ученых возможность независимого творческого поиска, механизм обратной связи в виде широких дискуссий и обсуждений, стимулирующих реакцию научного сообщества. Наконец, возможность анализа реальных сложных проблем только на уровне закрытых записок или служебных публикаций оставляла для «открытой печати» лишь узкоспециальные, преимущественно исторические темы, либо требовала апологетических публикаций.

Последствия такого развития нам всем хорошо известны; их можно назвать удручающими. Прямым результатом этого стал острый недостаток квалифицированных этнографических кадров, минимальное финансирование прикладных исследований, ограниченность технических возможностей, скудность высокопрофессиональных публикаций и крайне низкий престиж большинства наших изданий в глазах международного научного сообщества.

Было бы несправедливым, однако, заявлять, что все эти годы мы существовали в бесплодной пустыне. Опыт десятиков и сотен наших коллег с уверенностью говорит об обратном. Но, как представляется, был утерян основной механизм естественного развития науки — *свободное обсуждение* накопленного знания. Отсюда пошло удаление, а потом и нарастающая сепаратизация представителей разных общественных дисциплин. В результате были ослаблены единая основа и общий язык гуманитарного познания, навыки профессионального взаимодействия и делового сотрудничества. Разбившись на профессиональные или ведомственные клетки и клеточки, мы неизбежно все более погружались в прошлое. Изучение истории всегда (или предпочтительно) индивидуально; анализ настоящего и прогнозирование будущего требуют коллективных обсуждений.

«Ведомственное» разделение коснулось не только внутренней жизни нашей науки. Заведомая идеологическая невозможность стыковки концепций советских и зарубежных ученых (кроме тех, кто был выделен в небольшую группу «прогрессивных» или марксистских исследователей) воздвигла между ними стену непонимания. Это проявлялось на конгрессах и симпозиумах, в дискуссиях, где как на параллельных прямых, с одной стороны, шли «современные этнические процессы», а с другой — «этничность», «национализм», «антропология стратифицированных обществ» и т. п. Но даже по нашу сторону стены в десятках обстоятельных очерков национальной ситуации в различных зарубежных странах не было и мысли использовать чужой опыт для понимания собственных проблем. Это казалось вполне естественным, поскольку опыт

трайбализма и расизма, иностранных мигрантов и национально-освободительных движений был как бы в принципе несопоставим с нашей действительностью.

Радикально изменить ситуацию в изучении национальных отношений в СССР может только «информационный бум» в стыковых областях этнографии, социологии, культурологии, лингвистики, страноведения и других пограничных дисциплин. Как живой организм наука имеет свои принятые формы реагирования на всякую новую ситуацию. Первая и самая эффективная из них — резкая активизация *обсуждений*, дискуссий, личных и профессиональных контактов. Создание действующего *механизма обсуждения* есть, на мой взгляд, начало начал любого развития. Следующими шагами должны стать взаимопонимание, выработка общего языка, взаимодействие и, наконец, объединение усилий.

Организация независимого и квалифицированного форума для анализа современных национальных отношений в СССР и является основной целью новой секции социологии национально-политических отношений. Этой цели нельзя достигнуть одним лишь желанием или энтузиазмом участников. Процесс перехода к иному мышлению сложен и потребует длительных усилий. Предстоит восстановить весь процесс естественного воспроизводства науки, который включает как минимум четыре главных элемента: *знать, формулировать, обсуждать и печатать*. Все эти задачи будут поставлены в рамках работы новой секции Советской социологической ассоциации.

Задачи работы секции. На обсуждение выносятся программа научной и организационной деятельности секции на ближайшие годы, которую мы назвали «Многонациональное общество». Она призвана подготовить научное обеспечение для анализа современного состояния и перспектив развития национальных отношений в СССР, формулирования принципов новой национальной политики.

Мы строим эту программу на основе общего убеждения, что устойчивое социальное и экономическое развитие федеративного многонационального государства в огромной степени зависит от гармоничного взаимодействия всех входящих в него народов — как больших, так и малых. «Многонациональное общество» в нашем понимании — это не просто констатация мозаичности, множественности составляющих его элементов. Такая множественность уже давно является фактом и главной тенденцией развития современных государств, а внутри них — наиболее передовых сфер жизнедеятельности: крупных городов, передовых видов производства, науки и т. п. «Многонациональное общество» — это скорее механизм сосуществования или, точнее, поиск такого механизма, который обеспечивал бы развитие всех элементов, смягчение неизбежно возникающих трений и напряжений в рамках более крупных объединяющих структур — социальных, территориальных, административных и др.

Поэтому свою главную цель мы видим в выработке концепций и методов оценки сложных межнациональных ситуаций — прошлых, современных и будущих. Первая конкретная задача здесь состоит в том, чтобы стимулировать *сбор и обмен информацией* о состоянии современных национальных отношений в стране для получения максимально полной картины. И хотя эту же задачу в той или иной степени выполняют разные научные подразделения, у новой секции могут быть свои преимущества. Как общественное профессиональное объединение ученых она облегчает оценку и обмен первичными данными вне ведомственных или региональных амбиций.

Наибольший интерес, естественно, представляют две темы: освещение текущей ситуации в различных частях страны (прежде всего с помощью данных экспертных наблюдений и социологических исследований); и анализ опыта национальной политики — включая правовое, административное, культурно-языковое строительство, разрешение конфликтных ситуаций и т. п. Здесь заведомо противопоказаны какие-либо ограничения: прошлый и нынешний опыт нашей страны столь же важен и интересен, как и примеры национальной политики других государств. С этой целью планируется провести ряд специальных засе-

даний, чтобы детальнее познакомиться с опытом национального строительства в СССР в 1920—30-е годы, подходами и методами решения национального вопроса в разных странах, прежде всего в США, Китае, Испании, Югославии, других государствах Восточной и Западной Европы.

Следующую задачу мы видим в формулировании *научного языка* национальной политики. Сюда включаются: выработка гибких типологий и необходимого понятийного аппарата; изложение различных подходов к будущему многонационального государства и отдельных входящих в него народов; проверка возможностей этнографии, социологии и целого спектра других гуманитарных наук — экономики, демографии, политологии, лингвистики, культурологии и др. — как на уровне первичных данных, так и методов исследования. Поэтому участие представителей соответствующих областей знания выглядит не только желательным, но и необходимым для выработки общего языка взаимодействия и совместного поиска.

Важнейшей задачей секции, как уже говорилось, мы считаем профессиональное *обсуждение*. Отсутствие в нашей науке культуры заинтересованной многосторонней дискуссии до сих пор было наиболее досадным пробелом в изучении национальных отношений. Поэтому большой интерес представляет проведение специально подготовленных «круглых столов» и обсуждений по типу «деловых игр» с коллективной оценкой наиболее сложных национальных проблем и межнациональных ситуаций в СССР. Первые и наиболее актуальные темы для такого обсуждения: проблема Нагорного Карабаха и возможные пути ее решения²; ситуация в Прибалтике и соответствующие республиканские программы по национальному вопросу; будущее «репрессированных» народов — крымских татар, месхетинцев (месхов), немцев, корейцев; судьба малых народов Крайнего Севера; этнокультурное развитие советских евреев; перспективы культурно-языковой ситуации на Украине и в Белоруссии; политические аспекты русского национально-культурного движения; организационные формы жизни этнических меньшинств в крупных городах и др. Проведение всех подобных дискуссий потребует специальной подготовки с отбором квалифицированных экспертов-докладчиков, приглашением компетентных специалистов, представительство всех заинтересованных сторон.

Думается, что гласные профессиональные обсуждения помогут сформулировать нашу точку зрения или основные точки зрения на фундаментальные вопросы национальной политики. Прежде всего необходимо понять: что представляет собой нынешняя ситуация — принципиально новый виток взаимоотношений между народами в федеративном государстве или же своеобразную реакцию, которую можно охарактеризовать взятым из географии термином «изостазия», когда после таяния многотонных ледников происходит быстрое поднятие придавленной их тяжестью суши. Здесь мы особенно остро нуждаемся в хорошем знании форм и программ национальной политики 1920—1930-х гг., правовых основ создания союза республик, главных концепций развития народов в условиях федеративного государства. Заполнять эти пробелы можно только совместными усилиями.

Если удастся выйти на такой уровень обсуждений, реальной для нас станет важнейшая цель научного поиска — *прогнозирование*. Было бы чрезвычайно заманчиво не только сформулировать разные взгляды на перспективы развития отдельных народов и регионов страны, но и предложить их независимую всестороннюю оценку. До того, как те или иные идеи станут идеологическими и практическими лозунгами, они должны подвергнуться критическому обсуждению и проверке научным сообществом, т. е. стать как бы «вчерашним днем» науки. Наука должна неизменно идти впереди политики и идеологии, а не наоборот, как было до последнего времени. Только так может быть создан действенный механизм *отбора*, позволяющий отделить профессионально составленные прогнозы от конъюнктурных заказов и, значит, выявляющий в научной среде наиболее компетентных экспертов.

С этим тесно связана еще одна задача, которую хотела бы взять на себя новая секция ССА — *независимая экспертиза*. В стране постоянно принимаются десятки решений в области национальной политики и национальных отношений и сотни экономических и социальных проектов, затрагивающих интересы разных народов. Но национально-политическая экспертиза этих решений, если она и проводится, происходит закрытым способом и остается не известной научному сообществу. Печальные результаты такой практики все мы хорошо знаем. Новая секция ССА, объединяющая квалифицированных специалистов из разных областей науки, могла бы стать одним из таких центров независимой вневедомственной экспертизы.

Но если право на свободное обсуждение является личным делом любой группы ученых, то право на научную экспертизу надо заслужить профессиональным авторитетом, уровнем критического анализа и рекомендаций. Для этого потребуется время, а также некоторое число публикаций, успешно реализованных программ и проектов — т. е. обычный путь завоевания авторитета в научном сообществе.

В значительной степени успех новой секции в этой и многих других областях будет зависеть от выполнения еще одной задачи — *координации* научной деятельности в сфере национальной политики и национальных отношений. Как центральная секция Социологической ассоциации мы обязаны взаимодействовать с отделениями и учеными, работающими на местах, оказывать им необходимую поддержку. Но право на координацию, как и право на экспертизу может быть получено только на основе добровольного «общественного договора». Можно сказать, что оно явится своего рода наглядным результатом проводимой работы, подтверждением приобретенного авторитета в изучении национальных отношений.

Однако уже сейчас можно говорить о вполне реальных перспективах сотрудничества с другими объединениями ученых, работающих в близких направлениях — прежде всего смежными секциями Социологической ассоциации, комиссиями этнографии и медицинской географии Московского филиала Географического общества СССР, общественной группой ученых «Тревожный Север», Научным советом по национальным меньшинствам Советского фонда культуры, другими общественными объединениями. Особенно важен будет контакт с национальными землячествами, культурными центрами и ассоциациями, действующими как в Москве, так и в других городах и республиках.

Эти контакты и сотрудничество помогут, как мы надеемся, выполнить еще одну функцию в рамках деятельности новой секции ССА. Речь идет о стимулировании *прикладных, практических программ* в области национальной политики и национальных отношений. На Западе эта сфера именуется «прикладной антропологией»; она находится сейчас в стадии наивысшего подъема с точки зрения финансирования, кадров, общественного и научного внимания.

У нас, к сожалению, прикладная ориентация науки о национальных отношениях имеет крайне односторонний характер и определяется узкими интересами и жесткими требованиями заказчиков. Но если секция сможет разработать программу работы национальных клубов или культурной деятельности землячеств, или хотя бы оказать помощь этим клубам и землячествам *по их собственной просьбе* (а не по заданию вышестоящих организаций), то это и будет наш реальный практический вклад в совершенствование национальных отношений. Если секция будет получать такие заказы, она сможет, видимо, формировать из числа своих членов конкретные группы содействия или сама приглашать специалистов для выполнения соответствующих программ.

И, наконец, как всякое объединение ученых мы хотели бы наглядно продемонстрировать результаты своей работы в виде тематических *конференций и публикаций*. Ближайшая наша цель — организовать в 1989 г. в рамках секции специальную научную сессию «Многонациональное общество», посвященную различным аспектам национальной политики и национальных отношений. Мате-

риалы сессии предполагается издать в виде сборника, предоставив авторам наиболее интересных докладов возможность развернуть свою аргументацию. Одновременно секция будет всячески содействовать публикации прочитанных на заседаниях докладов, материалов «круглых столов» и дискуссий, других текстов, представленных на обсуждение.

Разумеется, время внесет свои коррективы в предлагаемые планы. Но с самого начала ясно, что мы создаем не дискуссионное объединение и не политический клуб для высказывания разных точек зрения, а профессиональное содружество ученых. Обращение к сложным, а зачастую и болезненным темам нашего общества потребует от нас высокой ответственности, честности, умения находить и соблюдать взаимные договоренности, личной требовательности. Все эти качества входят в профессиональный этический кодекс ученого. Особенности нашей работы предполагают, видимо, еще более строгое соблюдение этических норм. Поэтому я призываю всех участников будущей работы ценить и беречь нормы, которые будут положены в основу нашего научного содружества.

Примечания.

¹ Развернутый анализ этого см. Гусейнов Г. Речь и насилие // Век XX и мир. 1988. № 9. С. 36—41.

² Первое из таких заседаний, посвященное обсуждению основных предложений и программ решения проблемы Нагорного Карабаха, состоялось 25 октября 1988 г. (*прим. ред.*).

ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ

И. И. Крупнику было задано несколько вопросов. Они касались, в частности, возможности освещения работы секции в популярных изданиях. Связи с такими изданиями организаторы секции пока не имеют, напротив, они попросили присутствующих содействовать возможно более широкой информации о проводимой работе. Поскольку в докладе шла речь об экспертных оценках этнической ситуации и рекомендациях для ее улучшения, то естественно возник вопрос о действенности этих мер. Конечно, секция не располагает инструментами контроля за принятием и выполнением решений, затрагивающих интересы этносов. Однако здесь, как и в других областях политики, гласность — важнейшее средство привлечь внимание общественности к осуществлению проектов, выработанных учеными. Так, в настоящее время строительство Туруханской ГЭС, грозившее нарушить жизненный уклад ряда народов Севера, законсервировано. Получив научно обоснованную информацию о последствиях этого строительства, Исполком Окружного совета Эвенкийского автономного округа воспользовался предоставленным ему правом veto.

Отвечая на вопрос о возможных контактах секции с Международной социологической ассоциацией, Б. В. Ракитский назвал ряд исследовательских комитетов, с которыми такие контакты были бы целесообразны, например, 05 — «Проблемы этнических и расовых отношений и национальных меньшинств» и 16 — «Национальные движения и империализм». Он также предложил, чтобы результаты работы секции были представлены на XII Всемирном социологическом конгрессе в Мадриде в 1990 г.

В своем выступлении И. И. Крупник объединил теоретическое обоснование с организационными и содержательными моментами работы секции. В дальнейшем многократно прозвучали предложения сотрудничества со стороны специалистов разного профиля и представителей общественных организаций. Такой энтузиазм подтверждает актуальность намеченной работы, но и в некоторой степени усложняет стоящую перед бюро секции задачу, поскольку ему придется координировать весьма разнообразную деятельность.

Э. А. Паин (Москва, НИИ Градостроительства) заметил, что работа ряда секций ССА, в которых он участвует, сводится к семинарам и обсуждениям. Вместе с тем в области национальной политики существует значительное число «белых пятен». Целесообразно было бы, по его мнению, к уже перечисленным в докладе И. И. Крупника направлениям работы добавить организацию исследований. При их проведении можно было бы обращаться за помощью к хозрасчетному центру, существующему при ССА. В качестве ближайшей задачи исследований он предложил выявление и картографирование проблемных ареалов.